

соблюсти и в дому князя Василия Мосальского повеле ей пребывать».²⁵ Когда же он вошел в Москву, то «срамотне счиниша над нею и девство ея блудом оскверниша, а потом пострижи ея повеле».²⁶ «И велел ее сослать на Белоозеро, к Воскресенью Христову в девич монастырь в Горы».²⁷ Царевна Ксения превратилась в инокиню Ольгу.

Несчастливая судьба красавицы глубоко трогала современников. В упомянутой уже «Повести» Катырева-Ростовского помещено поэтическое и гневное отступление — «Укоры и поносы сему проклятому Ростриге о царевнине срамоте и пострижении»: «О волче хищенный, ненасытимый! не насытился еси сластолюбием кроме сия благородныя девицы! Множество честнейших жен и множество благолепых девиц во царствующем граде ненасытным своим блудным хотением осквернил еси, — почто сию благородную девицу, дочь цареву сушу, не пощадел еси, девственный чертог ея опорочил, ея же благородию во царствующем граде никто подобен, понеже во царском доме воспитана бысть по обычею своему? Благолепие же лица ея никто от синклит мог видети, мнози же благороднии юноши царского роду, от великаго Августа кесаря влекоми суть, сын великаго короля Датские земли, юноша zelo чюден образом и дела, и иныя мнози благороднии юноши, сея ради благородныя девицы, оставя свое отеческое царство и грады, приидоша рабски служити царю Борису, отцу ея, понеже превеликия Россия царя дочь во благородстве своем, яко цвет дивный, сияя, — ты же сию блудом осквернил и царское ея благородие обезчестил, и законному браку не сподоби, и облекл еси ея во мнишеский образ, и заточению предаде! Матерь же ея и едиnorodнаго брата ея, юношу пресветлаго, горкой смерти предал еси, — за сию бывшую скорбь почто девицы сия не помилова? О проклятый, богомерзкий еретик! Почто не усрамися таковаго дела сотвориши? Понеже на царский дом недостоин еси зрети, — ты же, безстудный, яко пес, на царский престол вскочи, и сидящаго на нем, царева сына и с материю его опроверже и горкия смерти сподоби, сию же девицу осквернив блудом и убогу учини и в пустыню заточи, ея же николи же могли видети».²⁸

Народные песни вкладывают в уста царевны, которая «гласы воспеваемыя любляше», своеобразные «плачи» над собственной участью:

уды и раздави». Народу же было объявлено, что Мария и Федор отравили себя ядом (ПСРЛ, т. XIV, часть первая, стр. 66). Похоронены они были «без всяких почестей и без каких-либо церемоний» (Конрад Буссов, стр. 107) в Варсонофьевском девичьем монастыре, находившемся между Сретенкой и Рождественкой и являвшемся, по свидетельству Карамзина, родовым кладбищем Годуновых (Карамзин, т. XI, стр. 351). Тула же Лжедмитрий приказал перенести из Архангельского собора и останки царя Бориса.

²⁵ К а т ы р е в - Р о с т о в с к и й, стлб. 578. Карамзин отмечает, что в одном рукописном известии о Самозванце прибавлено, что он, будучи монахом чудовским, видел Ксению в церкви (Карамзин, т. XI, стр. 348).

²⁶ К а т ы р е в - Р о с т о в с к и й, стлб. 578—579. Ксения была в наложницах у Лжедмитрия около пяти месяцев. Взял он ее к себе после коронации в июле, а 25 декабря сандомирский воевода Юрий Мнишек, отец невесты Лжедмитрия, писал ему: «Поелику известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, то благоволите... вняв совету благоразумных... людей, от себя ее отдалить» (СГД, ч. 2, М., 1819, стр. 243). Начальник французского отряда в иностранных войсках Делаварди Петр Делавиль пишет: «И когда Дмитрий короновался, то сделал наложницею своею дочь Бориса. Потом отослал он ее в монастырь, по обычаю земли, и некоторые говорят, что она родила потом сына». Последнее известие, по-видимому, недостоверно (см.: Краткая записка о том, что происходило в Московии от царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского, сочиненная Петром Делавилем де Домбаль в 1611 г. — Русский вестник, т. 1, СПб., 1841, стр. 746).

²⁷ О. А. Яковлева. Пискаревский летописец, стр. 114.

²⁸ К а т ы р е в - Р о с т о в с к и й, стлб. 579—580.